

Лобова Екатерина Павловна

РОМАН Л. ЛЕОНОВА "РУССКИЙ ЛЕС" В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/1-1/37.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 102-103. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 82-31

*Екатерина Павловна Лобова**Бирская государственная социально-педагогическая академия*РОМАН Л. ЛЕОНОВА «РУССКИЙ ЛЕС» В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ[©]

Русскую литературу XX столетия невозможно представить без творчества Л. Леонова. Его творчество включает в себя размышления философского характера о самой основе жизни, о человеке, который, к сожалению, забыл свое настоящее предназначение: оберегать и сохранять природу ради продолжения жизни на земле. Эта мысль красной нитью проходит через всё творчество Л. Леонова, достигая своего апогея в романе «Русский лес». Уже в произведении «Соть» писатель изображает то, что технический прогресс нарушает естественное течение жизни, приносит беды и страдания, через гибель природы происходит и нравственная деградация человека. «Русский лес» стал вершиной размышлений Л. Леонова о взаимоотношениях человека и природы, которую олицетворяет «Русский лес».

Л. Леонова-художника, критика и публициста нельзя верно понять, не учитывая литературно-художественный, культурный и философский контексты эпохи, в которой шло формирование личности писателя и ее последующая эволюция. Это, прежде всего, русская философская мысль конца XIX-начала XX вв. в лице ее ярких представителей - В. Соловьева, Н. Бердяева, Н. Федорова, П. Флоренского, Л. Шестова. Труды этих мыслителей сказались на сомнениях и настороженности писателя по отношению к пореволюционному времени и прогрессу, к насильственным методам переустройства социально-экономического уклада России, «косвенно отразились на скептических оценках предельного рационализма, нивелирования индивидуума и пренебрежения к его духовным интересам» [2, с. 200].

Л. Леонов по-новому осмысливает вечную литературную тему. В «Русском лесе» пространственно-временные оценки жизни, культурно-исторические лейтмотивы, внутренний мир героев, - все это художественно проецируется на природные стихии, показанные в книге в многоцветье и мифологической образности. Важное структурное значение в романе имеют символические природные картины и образы. В книге есть впечатляющий одухотворенный эпизод рубки сосны. В унисон «смерти» лесной красавицы воспроизведен монолог Калины: «К тому я и веду, что прозябнет земля без своей зеленой шубейки и здоровьишко станет у ей шибко колебательное. Будет коровка по семи верст за травинкой ходить, а раньше с аршина наедалась. И будет вам лето без тучек, иная зимица без снегов... и проклянут люди свое солнышко!<...>И как побьете до последнего деревца русские-то леса, тут и отправитесь, родимые, за хлебушком на чужую сторонку!..» [1, с. 92]. К сожалению, речитатив старца прозвучал как глас вопиющего в пустыне - на него не отреагировали ни толпа лесорубов, ни Кнышев, «<...>который, по слухам, вырубил полмиллиона десятин и снял зеленую одежду с трех великих русских рек» [Там же]. Символические природные образы, связанные с совершенством и гармонией жизни, углубляют тревогу писателя за судьбу русских людей, который, с одной стороны, показывал еще не оскудевшие кладовые России («Вряд ли какой другой народ вступал в историю со столь богатой хвойной шубой на плечах<...>» [Там же, с. 102]), а с другой, - предупреждал о грядущих бедах («Не может быть равнодушия в лесных делах: народу нашему жить вечно на этой священной земле» [Там же, с. 304]).

Л. Леонов, осмысливая человека и его взаимосвязи с естеством, рассматривает их в соотношении с историческим опытом, сознавая, что локальный (вневременной) подход ограничивает поле зрения людей. «В пределах одной человеческой жизни, - отмечает писатель, - трудно заметить происходящие в природе изменения; шаг времени у нас другой, чем у нее, и трехсотлетний возраст сосны соответствует нашим восьмидесяти. Мы покидаем мир приблизительно таким же, каким застали его при появлении на свет» [Там же, с. 298]. Л. Леонов сознавал, что в процессе общественного развития характер взаимоотношений человека и природы пересматривается, уточняется философское, социально-нравственное и эстетическое содержание этих связей. Известно, что, во втором-третьем десятилетиях общественная мысль и литература, как правило, решали задачи, возникающие под влиянием технократии и индустриального строительства. «По этой причине размышления романиста о границах «покорения природы» радикальными антропоцентристами в романе «Соть» воспринимались как нечто отжившее и идеологически вредное» [3, с. 123]. Основные концепции «Русского леса» первоначально также подвергались критике, пока идеи антропокосмизма, биоэтики и экологии человека не стали восприниматься как важнейшие составляющие материальной и духовной культуры людей, залог их благополучия. Обратимся к примеру, где описано состояние фашиста - пулеметчика находящегося ночью около неприветливого русского леса. Фашизм по своей сути антигуманистичен, поэтому ему не свойственны высшие этические ценности. Природа не может поощерять завоевания, порабощения, а немецкий пулеметчик не видит красоты русского леса: «можно было легко представить себе человека у огневой амбразура, который, не целясь, расстреливая свое ночное видение и никак не мог попасть и - как ему было жутко здесь, в гигантском непричесанном русском лесу, и какие унывные вдовьи голоса, словно при погребенье слышалась ему в переплеске ветвей и свисте верхового ветра, и каким настороженным, на границе безумия чутьем нагадало присутствии постороннего существа, которые вдалеке и внешне

почти безучастно переживала его истерику, как переживает под деревом мимолетную грозу» [1, с. 529]. Фашист испытывает жуткий страх, поэтому природа неродное для него

Эстетические и философские воззрения Л. Леонова во многом тождественны взглядам М. Пришвина, которого принято называть создателем «новой мифологии», отличной от официальной с ее приматом коллектива над личностью и апологией государства, и который последовательно созидал свои художественные принципы: в искусстве не должно быть «человека без земли», литература без «чувства природы» не может противостоять атрофии прекрасного. М. Пришвин, как и Л. Леонов, был убежден, что время славить человека - властелина мироздания уже забыто и предлагал отказаться от антропоцентристского типа мышления, утверждая единство человека с живым и неживым естеством, слитность природно-биологического и социально-духовного в жизни личности.

«В основе узлового конфликта «Русского леса» лежит бинарный архетип. Амбивалентные образы Вихрова и Грацианского построены по принципу зеркальной композиции» [2, с. 116], каждая из фигур имеет отражения в лице персонажей-двойников: у Вихрова - Осьминов, Поля, Сережа, Калинка и др.; у Грацианского - Чередилов, Андрейчик, Кнышев и др. Двойники, помимо функции, расширяющей зону деятельности автора, несут и важную содержательную нагрузку, реализуя по воле повествователя на практике те или иные научные постулаты. В книге воссозданы два образа жизни: кабинетное существование Александра Яковлевича и «бродячая жизнь» Ивана Матвейча, который не раз путешествовал по стране, собирал материал для книг (на Крайнем Севере - гл. 4, в центральных губерниях, в родных местах - гл. 17), вглядывался в лик России, стараясь угадать по ее суровому прошлому неведомое будущее.

Важнейшим средством познания мира и способом философского мышления Л. Леонова выступает ирония, заключающая в себе авторскую оценку несоответствия жизненных идеалов и действительности посредством гротеска или пародии, парадокса или контраста, гиперболы или литоты. «Ирония - это не только путь познания, но и принцип философского осмысления действительности писателем, свойство его художественного мышления» [3, с. 123]. В романах Л. Леонова часто встречается беспощадная ирония, сконструированная по принципу парадоксального смещения отображаемого. Она служит исходной позицией повествования, проявляясь в его пространственно-временной структуре, пронизывает образную систему в психологическом, социальном и философском аспектах; отражается в деталях, свето-цветовой палитре текста, в авторской речи, утверждающей одно, а подразумевающей другое. Ироническая оценка образа в его иносказательной метафорической сущности, по мнению писателя, - не что иное, как «<...> новая, спрятанная координата, как орудие дополнительного углубления и самого емкого измерения героя» [1, с. 198], универсальный способ «интегрирования» образа и конфликта. Ироническое письмо позволило автору в разной мере выразить свое отношение к командиру красноармейцев Рахлееву, отчаявшемуся усмирять силой оружия непокорных мужиков («Барсуки»); к идущему в абстрактное никуда («вперед и вверх») Векшину, потерявшему себя как личность на полях гражданской войны и в столичных пивных («Вор»); к решительным «строителям» новой жизни, рационалистам Потемкину и Увадьеву («Соть»); к кающимся интеллигентам братьям Скутаревским («Скутаревский»); к бессильным Кормилицыну и Дудникову («Дорога на Океан»); к честолубивым и коварным Грацианскому и Чередилову («Русский лес»).

В «Русском лесе», расширившем горизонты романного жанра и углубившем миропонимание писателя, проявился новый тип леоновского видения, в основе которого лежат единство интеллектуальной, культурологической и философской мысли, не монолог, а диалог, полемически заостренный по отношению к фабуле книги и ее пафосу, времени и исторической эпохе.

Список литературы

1. Леонов Л. Полное собрание сочинений: в 10 т. М., 1982. Т. 9.
2. Петищева В. А. Романы Л. М. Леонова 1920-1990-х годов: эволюция, поэтика жанра. М., 2007.
3. Хрулев В. Художественное мышление Леонида Леонова. Уфа, 2005.

УДК 82-31

*Елена Борисовна Ляйрих
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина*

ОБРАЗНОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ В РОМАНЕ И. А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»[©]

В изучении русской литературы на современном этапе выделяются актуальные области литературоведения. Одной из основных тем является тема русской провинции, её отражения и роли в художественных произведениях писателей. Провинция, сравнительно со столицей, является относительно новой темой литера-